

«ЦЕНА
БЕСЧЕСТЬЯ»
НОВЫЙ
РОМАН

*Любая женщина хочет
иметь рядом не друга.
Ей нужна скала,
которая может
защитить ее, взять на
себя все проблемы.
Ей нужен отец,
учитель, адвокат и
психоаналитик в одном
лице. И тогда она будет
счастлива.*

Чингиз Абдуллаев

Цена
бесчестья

Дронго

Чингиз Абдуллаев

Цена бесчестья

«PEN-клуб»

2006

Абдуллаев Ч. А.

Цена бесчестья / Ч. А. Абдуллаев — «PEN-клуб»,
2006 — (Дронго)

Известный частный детектив Дронго, взявшись за новое дело, не ожидал серьезных проблем. Найти сбежавшую в Европу молодую женщину – что здесь особенного? Но все оказалось гораздо сложнее. Вера Логутина, бывший сотрудник аппарата правительства, имела доступ к секретным материалам о преступной «прихватизации» народной собственности алчными чиновниками. И теперь за ней охотятся киллеры, которые уже убрали нескольких ее сотрудников. Дронго с трудом нашел женщину в маленьком испанском городке, но как теперь уберечь Веру от киллеров, которые уже идут по следу?..

© Абдуллаев Ч. А., 2006

© PEN-клуб, 2006

Содержание

Двенадцатое сентября	5
Шестнадцатое сентября	7
Двадцать третье сентября	9
Пятое октября	12
Пятое октября	15
Седьмое октября	22
Восьмое октября	30
Восьмое октября	32
Девятое октября	34
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Чингиз Абдуллаев

Цена бесчестья

И последнее, чему они меня научили, – это владеть шпагой и кинжалом, поверьте, Ваша милость, одного аркебуза недостаточно, чтобы отправиться в Индийские земли. Цыган, который обучал меня самообороне, разбирается в этой премудрости лучше самого Педро Мунсио, хотя никогда его трактатов не читал, потому как читать не умеет. Этого моего наставника по холодному оружию зовут Каноник, – Боже правый, сколь непочтительны цыгане! Он открыл мне секрет своего коронного выпада шпагой, заставил тысячу раз повторить обманные движения, пока они не стали у меня инстинктом. Каноник фехтует искусно и всерьез, он не тратит времени на выкрутасы и пируэты, его цель – не поразить противника своим мастерством, а смертельно ранить. Лучшее всего царапнуть противника по лбу, кровь зальет глаза и ослепит его, а слепому гораздо проще воздать по заслугам, говорит Каноник. Самое главное – смотреть не отрываясь в глаза врагу, угадывая каждое его движение, его страх, его намерения, говорит Каноник.

Но все эти познания ни к чему Лопе де Агирре, пока ты лицом к лицу не встретился с врагом в плоти и крови. Неизвестно, чего стоит шпага в твоей руке, пока ты не используешь ее, чтобы ранить врага. Сражаться на уроках, для упражнения или на праздниках – не значит сражаться. А вот когда в бою ты рискуешь жизнью, когда в первый раз понимаешь: чтобы спасти собственную жизнь, нужно лишить жизни другого, – дай Бог, чтобы в этот миг рука у тебя не дрогнула.

И клянусь Вашей милостью, она у меня не дрогнула...

Мигель Отеро Сильва

«Лопе де Агирре, Князь Свободы»

Кто не готов умереть ради собственной чести, тот обретает бесчестье.

Блез Паскаль

Двенадцатое сентября

Телефонный звонок разбудил его в половине десятого утра. Он недовольно открыл правый глаз. Телефонный аппарат лежал на тумбочке рядом с кроватью. Но кто мог позвонить в такое раннее время? Все его знакомые хорошо знали, что он встает не раньше одиннадцати утра. Какое хамство звонить творческому человеку в столь раннее время. Телефон продолжал звонить. Он открыл и второй глаз. Они его разбудили. Если выяснится, что это позвонил посторонний, он пошлет его к чертовой матери. А если кто-то из своих, тем более пошлет. Еще дальше. Он протянул руку и поднял трубку.

– Здравствуйте, – услышал он незнакомый голос, – это квартира господина Оглобина?

– Кажется, да, но вы позвонили слишком рано. Господин Оглобин еще спит, – зло проворчал он, собираясь положить трубку.

– Мы боялись не застать вас дома, – сказал позвонивший, даже не извинившись.

– Застали, ну и что дальше? – Он поморщился.

– Мы хотим с вами встретиться, господин Оглобин, по интересующему вас вопросу, – сказал позвонивший, – вы ведь опубликовали две статьи об одном государственном деятеле.

Сон сразу пропал. Он сел на кровати. Посмотрел на часы. Кто это может быть? Кто ему позвонил? Когда журналисту говорят такую фразу, профессионал обязан среагировать.

– По какому вопросу? – на всякий случай переспросил он, уже не сомневаясь в ответе. Две статьи – это слишком ясный сигнал, чтобы его не понять.

– Вы знаете, по какому. У нас есть интересующие вас сведения конфиденциального характера. И мы собираемся передать их лично вам для последующего опубликования в печати. Разумеется, вы не должны сообщать, кто передал вам эти документы.

– У вас есть документы?

– Да. И настоящие подлинники.

– Понимаю. Сколько вы за них хотите?

– Вы не понимаете. Нас не интересуют ваши деньги. Мы готовы предоставить вам материалы бесплатно, на условиях полной анонимности.

Очевидно, политические противники, понял Оглобин. И они хотят передать документы для их опубликования. Все правильно. Им важнее денег уничтожение своего политического конкурента. Все правильно. Так и должно быть. Он усмехнулся.

– Когда мы можем с вами увидеться? – спросил Оглобин.

– Сегодня вечером. В восемь часов у станции метро «Измайловский парк». Там будет наша машина. Джип «Ниссан» черного цвета. Можно подойти и сесть в автомобиль. Мы будем вас ждать.

– Хорошо. Обязательно приеду. Только я буду на своей машине.

– Нет. Приезжайте на метро. За вашей машиной могут следить...

– Да, конечно. Я приеду на метро. Я все понимаю.

– До свидания, господин Оглобин.

Он положил трубку и радостно растянулся на кровати. Если все будет нормально, то уже завтра утром он опубликует сенсационный материал, который сделает его одним из самых известных журналистов в Москве. Или в России. А может быть, даже в Европе? Его материал наверняка станут комментировать все ведущие газеты. Он уже видел заголовки о сенсационных фактах в статьях журналиста Оглобина. Нужно будет сменить газету и потребовать себе гораздо больший гонорар.

Он закрыл глаза, но уже не мог заснуть. Самые радужные перспективы рисовались в его воображении. Этот день был одним из самых счастливых в его недолгой жизни. Словно судьба решила напоследок сделать ему подарок. В восемь часов вечера он вышел на станции метро «Измайловский парк» и почти сразу увидел ожидавший его джип. Он сделал последние двадцать шагов и уселся в салон автомобиля рядом с водителем. На заднем сиденье сидел еще один неизвестный. Оглобин вежливо поздоровался с обоими. И машина тронулась. Его труп так никогда и не нашли.

Шестнадцатое сентября

Он выехал из Апрелевки несколько минут назад. По Киевскому шоссе можно добраться до центра города достаточно быстро, если не будет этих проклятых пробок. Денис Викторович Репников сидел за рулем своего роскошного «Пежо» шестьсот седьмой модели, который он приобрел всего два месяца назад. Репников обычно не чувствовал себя за рулем достаточно уверенно, сказывалось отсутствие практики.

Он получил автомобильные права еще четверть века назад, но почти сразу был избран первым секретарем райкома комсомола и «заслужил» персональную служебную «Волгу» с водителем. Затем карьера шла по нарастающей. Через некоторое время его перевели в горком комсомола, потом избрали третьим секретарем в одном из райкомов партии. Он считался достаточно перспективным и многообещающим молодым человеком. Потом все закончилось, прежняя жизнь изменилась, страна стала другой, многие завершили карьеру, но Репников продолжал свой карьерный рост. Он к тому времени уже перешел на ответственную работу в Министерство легкой промышленности. Здесь он проработал несколько лет, а затем перебрался в Министерство финансов. Карьера шла по нарастающей, и доходы росли соответственно служебному положению. В нестабильные девяностые годы работать в Министерстве финансов ответственным чиновником означало иметь очень неплохие дивиденды с любых сделок и договоров, находящихся в компетенции Репникова.

Еще через несколько лет он уже работал в «Белом доме» помощником вице-преьера, а когда его шеф стал председателем кабинета министров, Репников, соответственно, получил должность помощника премьера, на которой ему также полагалась служебная машина и роскошный кабинет. Но все хорошее когда-нибудь заканчивается. Премьера сняли с работы, и Репников был вынужден подать заявление об уходе из кабинета министров.

Он почти сразу нашел работу в одной финансовой корпорации. Оклад был солидным, но служебные машины здесь никому не предоставляли. Ему пришлось взять водителя и посадить его на свою частную машину. Репников был не самым бедным отставным чиновником и, по скромным подсчетам, должен был иметь на своих счетах несколько миллионов, что позволяло ему иметь личного водителя. Но приезжать на работу в корпорацию со своим водителем было неудобно. На его водителя начали обращать внимание. В конце концов Репников занимал в корпорации не самую высшую должность, а был всего лишь советником. Поэтому он вспомнил прежние навыки и решил сам пересесть за руль машины. Так было гораздо удобнее. Водитель обслуживал его семью, а Репников приезжал в город на своем новом автомобиле.

Правда, его раздражали частые пробки, но он уже привык к ним, прослушивая по дороге последние новости, передаваемые по радио. В этот день у него должна была состояться важная встреча с представителем зарубежной компании. У Дениса Викторовича было хорошее настроение. Для своих пятидесяти двух лет он выглядел очень неплохо: красиво уложенные, почти не тронутые сединой волосы, моложавый, загорелый, подтянутый. Он любил играть в теннис и отдыхать на побережье Лазурного Берега.

Увидев двух автоинспекторов, стоявших у обочины дороги, Репников чуть нахмурился. Он еще не привык к тому, что был обычным водителем за рулем, которого мог остановить любой сотрудник милиции. Но послушно притормозил, с интересом наблюдая, как к нему подходит один из этих офицеров. Остановившему его старшему лейтенанту было лет тридцать или немного больше.

– Здравствуйтесь, – строго сказал подошедший офицер, – почему нарушаете?

– Доброе утро. – Репников с интересом взглянул на сотрудника Госавтоинспекции. Он ведь точно знал, что не нарушал никаких правил. И даже пристегивался ремнем, перед тем

как выехать. Неужели у него просто хотят выудить деньги таким образом? – Что я нарушил? – спросил он. – Мне кажется, вы ошиблись.

– Нет, не ошибся. Вы ехали на недозволенной скорости. – Офицер говорил каким-то ленивым голосом, словно ему было все равно, нарушил Репников или нет. Наверное, ждал свои сто рублей в качестве взятки.

– В такой пробке – и на недозволенной скорости? – усмехнулся Репников. – Вы, наверное, шутите, лейтенант.

– Нет, не шучу. Покажите ваши документы.

– Учтите, что я буду жаловаться, – разозлился Денис Викторович. В конце концов, даже вымогатели в форме должны понимать, что нельзя зарабатывать таким образом.

Он полез во внутренний карман за документами. И в этот момент быстро наклонившийся офицер кольнул его чем-то острым в шею. Репников хотел возмутиться, сказать, что это уже абсолютная наглость и ему больно. Но ничего не успел произнести, чувствуя, как теряет сознание и заваливается на правый бок. Офицер осторожно снял его левую руку с руля.

Через пятнадцать минут «Пежо», сорвавшись с моста, упал в реку, несколько раз перевернувшись в воздухе на глазах у нескольких свидетелей. Только к вечеру, используя специальную технику, удалось достать машину и тело погибшего из воды. Эксперты-патологоанатомы, исследовавшие тело, пришли к однозначному выводу, что у Репникова произошел сердечный приступ, после которого он потерял сознание и не сумел удержать руль автомобиля.

Еще через два дня некоторые газеты сообщили о трагической и нелепой гибели бывшего ответственного сотрудника кабинета министров Репникова Дениса Викторовича и от имени группы товарищей выражали соболезнование членам его семьи.

Двадцать третье сентября

Этот дом находился на Ленинском проспекте и являлся одним из тех зданий, которые были сооружены в последние годы начавшегося в столице градостроительного бума. В новом доме внизу дежурил традиционный консьерж, а высотка считалась достаточно элитарной, и квартиры в ней продавались еще на стадии строительства. Вера Логутина въехала в этот дом, уплатив полную стоимость квартиры, еще три года назад. Двухкомнатная квартира общей площадью около ста метров обошлась ей почти в двести пятьдесят тысяч долларов. И хотя она работала в кабинете министров, подобная сумма была ей явно не по карману. В таких элитных домах соседи обычно не любят общаться и не задают лишних вопросов про суммы, которые были уплачены за квартиры. Но некоторые из соседей узнали, что Вера – сестра жены известного магната, который и помог своей родственнице приобрести эту квартиру, ссудив ей необходимые деньги.

Нужно отметить, что половину суммы молодая женщина смогла внести сама. К этому времени она уже работала финансовым советником крупной корпорации и перешла в кабинет министров по приглашению самого премьера. Ей было тридцать лет, и она делала успешную карьеру, которая обещала стать просто блестящей в скором времени. Однако через несколько лет премьер покинул свой пост, новый глава кабинета явно не нуждался в советах Логутиной, и она ушла с работы, перейдя в другую корпорацию.

В этот день она возвращалась с работы чуть позже обычного, задержавшись для составления отчета. На часах было около половины восьмого, когда она въехала на своем «Мицубиси» в гараж, находившийся под домом. Ворота открывались автоматически. Закрыв машину, она прошла к кабине лифта, чтобы подняться на одиннадцатый этаж, где находилась ее квартира. Как раз в тот момент, когда она вошла в кабину лифта, позвонил ее сотовый телефон. Вера достала аппарат.

– Здравствуй, Верунчик, – услышала она голос своей подруги Зои, – как у тебя дела?

– Ничего, – устало ответила Вера, – неплохо. Как у тебя?

– Все нормально. Ты знаешь, почему я тебе позвонила? Говорят, что разбился твой бывший шеф. Тот самый. Денис Викторович. Я прочла в газетах, что несколько дней назад были похороны. Ты представляешь, какой ужас? Он погиб, свалившись на своей машине с моста. Такой молодой и симпатичный человек. Алло, ты меня слышишь? Говорят, что у него был сердечный приступ.

– Какой приступ? – не поняла Вера. – Он был абсолютно здоровым человеком. Какой приступ у него мог случиться?

– Не знаю. Так написали в газетах. Я сама удивилась, когда прочла. Ты всегда говорила, что он занимался спортом, следил за своим здоровьем.

– Конечно, следил. – У Веры испортилось настроение. Они никогда не были особенно близки с Репниковым, но она проработала с ним несколько лет, и известие о его смерти ее неприятно поразило.

– И еще пропал этот журналист, с которым ты встречалась, – не унималась Зоя, – тот самый, со смешной фамилией. Помнишь, он расспрашивал тебя о твоей предыдущей работе? Тот самый. Извозчиков или Телегин. Похожая фамилия...

– Оглобин?

– Да. Он исчез уже две недели назад, и его нигде не могут найти. Можешь себе представить? Я так перепугалась, когда об этом услышала, и решила тебе позвонить.

– Спасибо, – нахмурилась Вера. Она помнила настойчивого и бесцеремонного журналиста. И хорошо помнила, о чем именно он ее расспрашивал. Она почувствовала легкий озноб испуга.

– Ты будь осторожнее, а то мало ли что, – продолжала тарыхтеть Зоя, – ты ведь знаешь моего Вову, он работает в прокуратуре, и он мне сказал, что со смертью Репникова не все понятно. Алло, ты меня слышишь?

– Слышу. – У нее окончательно испортилось настроение.

Кабина лифта остановилась на одиннадцатом этаже. Створки раскрылись.

– Я тебе перезвоню, – пообещала Вера. Она убрала аппарат в сумку, доставая ключи.

Выйдя из кабины лифта, она обернулась, словно следом мог выйти чужой. Услышав, как где-то внизу хлопнула дверь, – вздрогнула, нахмурилась, резко покачала головой, словно отгоняя неприятные мысли. В конце концов, нельзя сходить с ума из-за звонка своей болтливой подруги. Возможно, Репников действительно сорвался с моста, а журналист уехал куда-то по редакционному заданию и нарочно интригует всех своим отсутствием. Некоторые журналисты устраивали подобные трюки, чтобы привлечь к себе побольше внимания. Она подошла к своей двери, доставая ключи. Открыла первый замок, затем второй, распахнула дверь. И почувствовала чужой запах. Вера не курила, у нее была аллергия на никотин. Но в квартире явно был чужой запах. И этот незванный гость курил. Она прислушалась, не входя в квартиру. Неужели кто-то чужой мог войти? Если бы не звонок Зои, она бы не обратила внимания на этот посторонний запах. Но теперь стояла на пороге и не решалась войти.

Что нужно делать в подобных случаях? Позвонить и позвать консьержа? Но это молодой человек субтильного вида, студент лет двадцати. Он явно не поможет. Закрыть дверь и вызвать милицию? А если в квартире никого нет? Как она будет объяснять свои надуманные страхи? Или это вызовет еще большие подозрения? Нужно что-то придумать. Она стояла на пороге и не решалась сделать еще один шаг. Может, позвать кого-то из соседей? Но за три года она так толком ни с кем и не познакомилась. Кажется, рядом живет семья, которая часто уезжает во Францию. Двое родителей и дети-близнецы. Или они сейчас в городе? А в другой квартире живет пожилая женщина, мать какого-то нувориша. Он сам не появляется здесь, но водитель и домработница бывают каждый день.

Вера по-прежнему не знала, как ей поступить. И неожиданно услышала осторожные шаги. Очевидно, незнакомцу внутри квартиры надоело ждать, и он сделал два осторожных шага. Она резко отпрянула, закрыла дверь. И услышала, как кто-то чужой бежит к двери. Вера успела вставить ключи в замок и закрыть его. Изнутри послышались удары. Она отбежала от двери, с ужасом прислушиваясь к ним. Очевидно, возможный убийца все время находился внутри. Она услышала, как он отошел от двери и начал что-то быстро говорить, возможно, позвонив своему напарнику. Лифт пошел вниз. Она со страхом обернулась. Вспомнила, что дверь была заперта снаружи. Значит, один убийца вошел в квартиру, а второй его запер, чтобы она ничего не заподозрила. Даже страшно подумать, что могло случиться. Она бы вошла в квартиру, привычно разделась, прошла в душ. Вера содрогнулась. Этот негодяй мог ее не просто убить. Она услышала, как кабина лифта остановилась где-то внизу, и тоже побежала по лестнице вниз. Кабина лифта начала подниматься вверх. Вера бежала, не различая ступенек и твердо понимая, что ей нельзя пользоваться автомобилем, чтобы не оказаться одной в подземном гараже. Когда кабина лифта остановилась на одиннадцатом этаже, она уже была на третьем. Если это сообщник убийцы, то ему понадобится некоторое время, чтобы открыть ее дверь и выпустить своего напарника. За это время она успеет добраться до первого этажа. Вера спускалась, держась за перила, чтобы не упасть. Она добежала до консьержа и, задыхаясь от волнения, крикнула ему:

– Вызывайте милицию! Срочно вызывайте милицию! У меня в квартире убийцы!

Консьерж изумленно уставился на нее, не совсем понимая, что происходит.

– Звоните, – крикнула она, – иначе они сейчас спустятся вниз и убьют нас обоих!

– Кто спустится? – недоуменно спросил консьерж. – Здесь никто не проходил.

У него на пульте было заметно, как кабина лифта пошла вниз. Вера замерла, глядя на мигающую красную точку.

– Быстрее звоните, – почти умоляла она.

Молодой человек не слишком охотно поднял трубку. Он все еще не верил в эти непонятные крики. Ведь он находился на своем посту с самого утра и никто не проходил мимо него. Но набрал номер телефона ближайшего отделения милиции. И попросил дежурного.

– Пришлите, пожалуйста, срочно наряд по адресу... – Он не успел договорить. Створки кабины лифта открылись, а Вера, не дожидаясь, пока незнакомцы окажутся в холле, выбежала на улицу. Консьерж недоуменно оглянулся. Из кабины лифта вышли две женщины. Он изумленно взглянул на них, они явно не были похожи на свирепых убийц.

– Алло, – услышал он голос дежурного, – вы не назвали свой адрес. Алло, вы меня слышите...

Пятое октября

Иногда наступал период непонятной депрессии. Нет, сама депрессия не была для него характерна, для этого он был слишком самодостаточным и сильным человеком. Но периоды непонятного томления духа возникали как-то сами по себе, когда вдруг он понимал, что ему не хочется вылезать из постели, разговаривать с чужими людьми и даже с близкими, куда-то перемещаться в пространстве, есть, двигаться, даже читать книги или знакомиться с новой информацией в Интернете.

В такие дни он словно проваливался в непонятное состояние перманентного сна, мозг брал своеобразный «отпуск», отключаясь от внешнего мира. Сны были цветные и достаточно интересные. Самое главное, что он помнил каждый сон, все его детали, подробности. Просыпаясь, он долго лежал, пытаясь осмыслить очередные цветные картинки, а затем снова погружался в приятную дремоту.

Однажды, проснувшись, он вдруг осознал, что не помнит, в какой именно квартире находится. В московской или в бакинской? Они были похожи друг на друга расположением комнат, одинаковыми библиотеками, схожей мебелью, техникой. Он сознательно конструировал их таким образом, чтобы ему было удобно в этом пространстве. Даже занавески и небольшой коврик перед кроватью были одинаковыми. Он нахмурился, повернулся на бок. Увидел дверь в спальню. В московской квартире двери были чуть темнее. Он улыбнулся и снова закрыл глаза, погружаясь в сон.

Но подобное состояние не может длиться вечно, тем более у такого деятельного человека, каким был Дронго. Через сутки, отоспавшись, он уже садился к своему компьютеру, звонил в Италию Джил или отправлялся на проспект Мира, где был их небольшой офис, в котором его ждали Эдгар Вейдеманис и Леонид Кружков. В этот день он работал за компьютером, просматривая поступившую почту, когда раздался звонок его сотового телефона. Дронго знал, что этот номер известен лишь небольшому числу людей.

– Добрый день, – услышал он характерный голос латыша Вейдеманиса, – как твоя депрессия?

– Ты звонил вчера, – понял Дронго.

– Конечно. Ты перевел свой городской номер на автоответчик и не отвечал, а твой сотовый был отключен. Я понял, что у тебя опять «легкое недомогание». За последние два года уже в третий раз. Мне кажется, ты становишься меланхоликом.

– Спасибо за комплимент, – усмехнулся Дронго, – это все, что ты мне хотел сказать?

– Нет, не все. К нам вчера звонили. Хотят с тобой встретиться.

– Это настолько важно, что ты звонил даже на сотовый, зная, что у меня «легкое недомогание»? Между прочим, очень изящный термин для моего шизофренически долгого сна.

– Важно, – сказал Вейдеманис, – нам звонили по поручению самого Бориса Каплуновича...

– Каплунович, – повторил Дронго, – если я не ошибаюсь, это владелец крупнейшей телефонной компании мобильной связи и один из мультимиллионеров. Говорят, что до миллиардеров он недотягивает совсем немного. Кажется, «Форбс» нашел у него семьсот или восемьсот миллионов долларов.

– Уже девятьсот, – подтвердил Вейдеманис, – и еще он владеет недвижимостью, акциями крупных металлургических компаний в России и на Украине.

– Прекрасно, – кивнул Дронго, – и что хочет от нас этот кандидат в миллиардеры?

– Срочно с тобой встретиться. Они звонили уже три раза. Его секретарь, кажется, искренне не понимала: как мы можем не найти тебя, если сам Каплунович хочет с тобой поговорить.

– Можно представить ее недоумение, – усмехнулся Дронго, – наверное, любой чиновник от радости готов съесть собственный галстук, чтобы угодить такому богатому человеку. Она считает, что я обычный частный детектив и после такого звонка обязан немедленно перезвонить, чтобы получить важный заказ.

– Возможно. Ты хочешь с ним встретиться?

– Она говорила, по какому вопросу?

– По личному. Ничего больше не сказала.

– Ясно. Ему, кажется, лет сорок или сорок пять?

– Сорок шесть. Я знал, что ты обязательно о нем спросишь. Мы уже ищем всю информацию о Каплуновиче. Очень интересный тип. Между прочим, доктор наук, был довольно успешным ученым, защитил кандидатскую диссертацию в двадцать пять, докторскую в тридцать. А потом бросил науку и ушел в бизнес. Говорят, что он был очень перспективным молодым человеком, подающим большие надежды.

– Он вовремя сориентировался, – заметил Дронго, – понял, что лучше идти в миллиардеры, чем оставаться бедным ученым.

– Ты становишься циничным меланхоликом, – заметил Эдгар.

– И еще человеконенавистником, – добавил Дронго, – ладно. Хватит меня критиковать, я уже сам знаю все свои недостатки. Позвони им и скажи, что я буду ждать его сегодня в семь часов вечера у себя. Пусть придет один. В шесть у меня появишься ты с его подробным досье. Во всяком случае, мы должны понять, что он от нас хочет, до того, как он переступит порог моей квартиры.

– Уже работаем, – доложил исполнительный Вейдеманис.

Дронго положил аппарат обратно на столик. Он успел просмотреть поступившие сообщения. Затем просмотрел сайт телефонной компании, принадлежащий Каплуновичу. Обед он заказал себе в ресторане, попросив водителя привезти его к шести вечера, чтобы не есть в одиночку. Ровно в шесть часов появился пунктуальный Вейдеманис. Через несколько минут водитель привез заказанный обед. Эдгар не собирался есть, но не стал отказываться, присев за столик в кухне. Они сидели друг против друга, и Вейдеманис, достав свои записи, знакомил Дронго с полученными сведениями.

– Он родился в Новосибирске, – сообщил Эдгар, – родители работали в институте физики. Отец тоже был доктором наук, мать старшим лаборантом, кандидатом наук. Мать жива до сих пор, отец умер четыре года назад. Борис с отличием окончил школу, затем получил красный диплом в институте, престижное распределение в московский институт. Почти сразу поступил в аспирантуру. В двадцать пять стал кандидатом наук. Через пять лет – одним из самых молодых – доктором. Тема была как раз связана с возможностью беспроводной связи. В тридцать два ушел в бизнес, основав свою небольшую компанию. Через четыре года они были владельцами сотовой телефонной компании, которая начала успешно работать на рынке. Во время дефолта чуть не разорились, но затем получили крупный кредит в банке и смогли поправить свои дела. Через три года они были уже самой крупной телефонной компанией в стране. Еще через год Борис Каплунович начал скупать акции металлургических компаний.

– Типичный путь удачливого бизнесмена, – кивнул Дронго.

– Да. Он был женат, но развелся, когда ему было двадцать девять. От первого брака детей нет. Второй раз женился в тридцать четыре. Жена – Кира Логутина, менеджер крупной туристической фирмы. У нее это был тоже второй брак. Первый брак с Игорем Журавлевым, журналистом, распался. От первого брака у Киры есть сын Максим. Ему сейчас восемнадцать лет, он учится в Англии. От второго брака у Киры еще двое детей. Алла и Кирилл. Девочке двенадцать, мальчику девять. Живут вместе с матерью во Франции, учатся в престижной французской школе. Отец часто проводит время рядом с ними.

– У них все в порядке?

– Кажется, да. Мы даже нашли их телефон во Франции. Представились сотрудниками страховой фирмы. У них все нормально.

– Интересно. Тогда такой личный вопрос. У него есть любовница?

– Возможно, есть, но мы пока ничего не знаем. У нас был для проверки только один день. Но, судя по всему, он не бабник, достаточно серьезный человек, хотя ничего исключать нельзя. Когда у человека есть такие деньги, он начинает портиться...

– В тебе говорит твой социалистический опыт, – улыбнулся Дронго, – хотя действительно деньги обладают страшной разрушительной силой. Что еще?

– У Бориса есть сестра. Живет в Новосибирске вместе с матерью. Замужем. Двое детей, внук. Борис купил им большой дом, поселил всех вместе. Нормальная семья, никаких отклонений.

– Значит, вы ничего не узнали?

– Почти ничего, – загадочно ответил Эдгар.

– А конкретно?

– Каплунович в последние дни выходил на нескольких частных детективов. Встречался с сотрудниками МУРа. Об этом узнал Кружков. Видимо, ему рекомендовали именно тебя.

– Выходит, что у него есть конкретное дело, о котором вы не смогли узнать?

– Получается, что так, – подтвердил Вейдеманис, – но бизнесмены народ закрытый. Они свои тайны в Интернете на сайтах не вывешивают.

– Ты дал ему мой московский адрес?

– В семь часов он приедет. Я предложил ему приехать без охраны, он согласился. Но, может быть, охрана будет внизу, в его машине.

– Пусть будет. Если у него важное личное дело, то он обязательно поднимется один. Ты же сам говоришь, что бизнесмены – народ закрытый.

Пятое октября

Каплунович приехал ровно в семь часов вечера. Сначала позвонил снизу дежурный охранник, доложивший, что приехал гость. Затем в кабине лифта поднялся сам Каплунович. Он прибыл без охраны, очевидно оставив сопровождающих в своей машине. Дронго открыл дверь. Перед ним был высокий мужчина, почти такого же роста, как и сам Дронго: внимательный взгляд, модные очки, чуть тронутые сединой волосы, умное волевое лицо. Гость был одет в светло-серый костюм и темно-серый плащ. Войдя в холл, он протянул руку. Рукопожатие было сильным, энергичным. Оставив плащ на вешалке, Каплунович прошел в гостиную.

Войдя в комнату и обнаружив там Вейдеманиса, гость недоуменно обернулся и взглянул на Дронго. Очевидно, он не ожидал, что в квартире окажется кто-то еще.

– Это мой друг и напарник Эдгар Вейдеманис, – представил гостю своего помощника Дронго, – могу вас заверить, что все сказанное вами останется здесь и никто из посторонних не узнает о нашем разговоре. Я доверяю господину Вейдеманису так же, как себе.

– В наше время иметь такого человека большая роскошь, – заметил Каплунович, усаживаясь в предложенное ему кресло. Дронго сел напротив. Эдгар устроился на диване.

– Что-нибудь выпить? – предложил Дронго.

– Нет, спасибо, – отказался Каплунович, – очевидно, мне нужно представиться. Я Борис Самуилович Каплунович, руководитель холдинга КТС, ведущий акционер ряда предприятий и организаций нашей страны. И у меня есть к вам конкретное дело.

– Я вас слушаю. Думаю, что мне не нужно представляться. Вы уже навели справки обо мне, прежде чем здесь появиться. Или я не прав?

– Правы. Только я не совсем понимаю, как к вам обращаться.

– Дронго. Меня обычно так и называют.

– Очень хорошо, господин Дронго. Дело в том, что у меня к вам не совсем обычное дело. Речь идет о моей семье. Скорее о моей супруге. Проблема в том, что исчезла ее младшая сестра. У них разница в возрасте более семи лет, и моя жена Кира была для своей сестры Веры почти как мама. Опекала ее, заботилась, поддерживала. В общем, вы меня понимаете...

Дронго кивнул.

– И теперь она исчезла, – продолжал Каплунович, – вот уже две недели мы не знаем, где она и что с ней происходит.

Наступило молчание. Каплунович молчал, ожидая вопросов. Дронго молчал, ожидая, когда его гость продолжит рассказ. Наконец Борис Самуилович не выдержал:

– Мы уже пытались ее искать, но не смогли найти. И вообще мы не совсем понимаем, что происходит...

– Давайте по порядку, – предложил Дронго, – кем работала сестра вашей супруги?

– В крупной финансовой компании. Я знаю их президента. Солидная компания, ничего необычного. Там мы уже проверяли несколько раз. Она готовила отчет и не успела его сдать, но отчет был почти готов и находился в ее рабочем кабинете. Никакой связи исчезновения Веры с ее работой мы не нашли.

– Какая компания?

– «Баркер-групп». Это филиал известной немецкой компании. Там нет ничего криминального, если можно предположить, что ее искали из-за этого. Во всяком случае, я навел справки. У нее была работа, связанная с обычными финансовыми отчетами.

– Она жила одна?

– Да. У нее был друг, но они давно расстались. Сейчас этот друг живет в Латвии. Я звонил и ему на всякий случай. Но он ничего не слышал о Вере.

– Давно они расстались?

– Больше двух лет назад.

– И с тех пор она жила одна?

– По моим сведениям, да. Во всяком случае, она рассказывала о своих встречах с другими мужчинами своей старшей сестре. Но в последнее время у нее не было никаких связей, даже случайных. Опрошенные консьержи показали, что к ней никто не ходил.

– Как она исчезла?

– Двадцать третьего сентября приехала домой после работы, оставила машину в подземном гараже и поднялась к себе. Затем вдруг спустилась вниз и стала кричать консьержу, что в ее квартире находятся убийцы, которые сейчас спустятся и убьют их обоих. Консьерж вызвал милицию, но Вера не стала ждать – выбежала на улицу, и больше ее никто не видел.

– Милиция приехала?

– Конечно. Они приехали, поднялись наверх, все проверили. В ее квартире никого не было. И никто посторонний к ней не входил. Иначе дежурный, сидевший внизу, зафиксировал бы появление посторонних.

– Дежурный или консьерж?

– И то и другое в одном лице. Он дежурит на входных дверях. Если отходит в туалет, то закрывает двери и включает камеру. Никто из посторонних в дом не входил, это было зафиксировано камерой.

– А подземный гараж? Вы сказали, что она оставила машину в подземном гараже. Значит, там был другой вход?

– Он тоже просматривается камерой. Никто из посторонних там не появлялся. Приезжали только автомобили живущих в доме людей, у которых были свои автоматические пульты управления механическими дверями. Если бы появились посторонние, камеры бы их зафиксировали. Двери открыть просто так невозможно. Там установлены достаточно чувствительные датчики. В общем, все как в хороших московских домах.

– Как интересно. Получается, что ваша родственница просто сошла с ума и решила бежать из дома?

– Не думаю. Она очень разумный человек. Несмотря на относительно молодой возраст, уже добилась многого. Работала в крупных компаниях, в управлении делами Совета министров. В общем, успела проявить себя с самой лучшей стороны. Она блестяще владеет английским и французским языками. Прекрасный экономист. Я давно предлагал ей перейти на работу в мою компанию, но она отказывалась, считала, что обязана добиться успеха сама.

– Сильный человек, – кивнул Дронго, – но вы пришли ко мне не поэтому. Если бы дело касалось только ее исчезновения, вы бы не стали меня искать. Верно?

– Правильно. Но как вы догадались?

– Насколько я мог понять, вы уже проводили собственное расследование. И довольно тщательное, если вам удалось проверить ее служебные дела и получить показания консьержа. Но вы не удовлетворены подобным расследованием. Более того, вы не удовлетворены работой тех частных детективов, которые уже работают на вас. И тогда я понимаю, что есть еще другие факты, о которых вы умолчали и которые я должен знать, прежде чем приму окончательное решение.

– Bravo, – сказал Каплунович, – вы настоящий профессионал. Мне вас рекомендовали именно в этом качестве. Не скрою, что мы встревожены. Она уже почти две недели не дает о себе знать. Но вы правы. Самые важные факты я пока не изложил. Дело в том, что, по нашим данным, она уже пересекла границу. Вылетела во Францию двадцать пятого сентября. Билет был приобретен на ее имя, она прошла государственную границу, это мы установили точно. И снова исчезла. Достаточно невероятный факт, если вспомнить, что ее родная старшая сестра живет сейчас в Париже и все наши телефоны у Веры имеются.

Дронго молча слушал, никак не комментируя слова гостя.

– Она взяла странный билет, – продолжал Каплунович, – можете себе представить, как она полетела во Францию? Через Берлин самолетом монгольской авиакомпании, а затем уже оттуда «Люфтганзой» до Парижа. Такой сложный и непонятный маршрут.

– Может, ей нравится летать именно с монгольской авиакомпанией? – пошутил Дронго. – Хотя согласен, что могут появиться вопросы. Обратный билет она взяла?

– С открытой датой. – Каплунович чуть помолчал. Затем неожиданно спросил: – Вы уверены, что ваша квартира не прослушивается?

– Абсолютно. У меня включен скремблер, последняя модель. Эту комнату невозможно прослушать, – пояснил Дронго, – хотя ничего исключить нельзя. Но скремблер у меня включен на всякий случай, и если кто-то захочет услышать наш разговор, то должен будет задействовать уж очень совершенную технику. Однако, если вы считаете, что есть опасность, можно воспользоваться старым методом...

Он взял пульт и включил телевизор. Прибавил громкости.

– Немного неудобно, но гарантированно просто, – добавил Дронго.

– Верно, – согласился Каплунович. Он даже улыбнулся: – У меня в компании работает целый отдел, занимающийся вопросами возможного прослушивания сотовых телефонов. Пытается решить эту проблему на современном уровне.

– Получается?

– Не всегда, – честно признался Каплунович, – но мы стараемся. Я думаю, главная причина, по которой Вера так неожиданно исчезла и не пытается с нами связаться, совсем в другом. И это мне тоже удалось установить. Дело в том, что я президент той самой сотовой компании, телефоном которой пользовалась и Вера. Мне было легко установить, кому она звонила и кто звонил ей. В тот момент, когда она якобы обнаружила у себя возможного убийцу, ей позвонила подруга, муж которой работает в городской прокуратуре. Вы знаете, что именно сказала ее подруга? Она рассказала, что исчез журналист Оглобин, которому давала интервью Вера за месяц до этого события. И еще что за неделю до этого погиб бывший руководитель Веры в кабинете министров, некто Денис Викторович Репников. Нам удалось установить, что его автомобиль свалился в реку. Врачи считают, что причиной был сердечный приступ. Но я немного знал Репникова. Это был абсолютно здоровый человек, занимавшийся спортом.

– Сколько ему было лет?

– Чуть больше пятидесяти.

– В таком возрасте мужчины иногда внезапно умирают от сердечного приступа, – возразил Дронго, – тем более что Репников раньше работал в кабинете министров. Смена работы могла очень болезненно на нем сказаться.

– Возможно, вы правы, – вежливо согласился Каплунович, – но дело в том, что моя родственница успела позвонить супруге Дениса Викторовича. Мы зафиксировали все ее звонки. Она позвонила в Латвию своему бывшему другу и спросила, может ли к нему приехать. Нужно было знать Веру, чтобы понять, насколько его удивил этот звонок. Через два года после их разрыва. Это было неожиданно для него, но он согласился. Возможно, решил, что она хочет помириться. Хотя вряд ли. Они были вместе достаточно долго, и он успел изучить ее характер.

– Как его зовут?

– Александр. Александр Линдт. Он работал представителем латышской компании в Москве. Больше восьми лет. Очень неплохой парень. Но она ему больше не звонила. И не появлялась в Латвии.

– У нее российский паспорт?

– Да. Обычный паспорт для туристов. И ей обычно давали мультивизу в Шенгенскую зону и право на пребывание в ней обычные девяносто дней. И еще есть виза в Великобританию. На два года.

– Она звонила только своему другу и жене Репникова?

– Нет. Она успела сделать еще два звонка. Перезвонила к себе на работу, предупредив, что ее несколько дней не будет. Собственно, поэтому мы ее сразу и не искали. Но домой она больше не возвращалась, мы это установили достаточно точно. Ее никто больше не видел. А последний звонок она сделала в редакцию газеты, где работал Оглобин. Все звонки мы проверили, со всеми поговорили. Ее интересовало, как исчез журналист. Она говорила с заместителем главного редактора Куравлевой. И все. Потом аппарат замолчал. Как будто она его выбросила. Во всяком случае, мы смогли проверить, где находится ее телефон...

– Выключенный телефон? – переспросил Дронго.

– Этого я вам не должен говорить, – грустно усмехнулся Борис Самуилович, – но обнаружить даже выключенный аппарат вполне возможно. И технически достаточно несложно. Вы отключаете внешнюю связь, но местонахождение каждого аппарата можно легко установить.

– Вы говорили об этом своей родственнице?

– Да. Она это знала.

– И где теперь ее аппарат?

– На дне Москвы-реки. Мы в этом уверены.

– И вы удивлены?

– Конечно, нет. Но моя жена хочет знать, куда пропала ее младшая сестра. И почему она так внезапно исчезла. Согласитесь, что в этом есть некое противоречие. Выбросить свой сотовый аппарат, не пользоваться машиной, не возвращаться в квартиру, а потом вылететь во Францию, чтобы прилететь в Париж и не позвонить собственной сестре?

– У них были нормальные отношения?

– Более чем. Кира была ей как мать. Они очень дружили. Вера точно знала, что всегда может положиться на старшую сестру.

Дронго взглянул на невозмутимого Эдгара Вейдеманиса. Тот молчал, не вмешиваясь в разговор.

– Вы проверяли ее появление на границе? – уточнил Дронго. – Она должна была дважды предъявить свой паспорт. На российской и на немецкой границе. В Москве и в Берлине. Потом в Париж можно лететь без пограничного оформления, но и там достаточно строго проверяют документы.

– Правильно. Ее паспорт был предъявлен дважды. И кто-то прошел границу. И кто-то прилетел в Париж...

– У вас появились сомнения?

– Во всяком случае, такой вариант не исключен. Кто-то похожий на Веру мог перейти границу, прилететь в Берлин, а оттуда в Париж. Невероятно, чтобы, оказавшись во Франции, она не позвонила своей старшей сестре. Это почти невозможное.

– Даже так... – пробормотал Дронго. – Это уже становится интересным. Значит, вы предполагаете, что кто-то мог разработать такую сложную операцию специально для того, чтобы обмануть вашу супругу?

– Не только, – нахмурился Каплунович, – ее могли убрать в Москве, а инсценировку выезда устроить специально, чтобы мы не искали ее здесь. В таком случае мы будем уверены, что она в Париже.

– Жаль, что она не поехала в Америку, – задумчиво пробормотал Дронго, – там на границе снимают отпечатки пальцев, и подобная инсценировка была бы невозможной. Но я не совсем понимаю, почему вы не проверяете ее кредитные карточки. Современному человеку трудно исчезнуть внезапно, растворившись в Европе. Кроме телефона, паспорта и билетов ей нужны деньги, чтобы расплачиваться за отели и рестораны. Ей нужно где-то жить и питаться. Значит, за это время где-то должны были засветиться ее кредитные карточки. Вы знали, какие у нее кредитки?

– Конечно, знали. У нее была карточка «Кредит ди Норд». Это французский банк. И две карточки российских банков. Три кредитные карточки, из которых одна золотая. Мы проверили оба российских банка. Она сняла десять тысяч евро наличными в разных местах Москвы в тот самый день, когда пропала. И больше ее карточки ни разу не использовались. Ни разу.

– А французская?

– Они пока не ответили. Но мы отправили запрос. Через французскую полицию. Пока ждем ответа. Но я уверен, что она не использовала и эту карточку. Не знаю почему, но уверен. Она достаточно опытный финансист, чтобы так глупо подставиться. Если она действительно хочет исчезнуть.

– Как это исчезнуть? Ведь она может находиться в Шенгенской зоне не более трех месяцев. Мультивиза дается на девяносто дней. Верно?

– Да. Но мы не можем ее найти. А денег ей может хватить на месяц или два.

– Она сняла все деньги, которые у нее были?

– Нет. На одной карточке осталось около пяти тысяч долларов. Другая – кредитная. Она может тратить до двадцати тысяч. И еще есть французская. Она была не самым бедным человеком.

– Когда она получила визу?

– В январе этого года. И была у нас на январских каникулах. Дней десять. Потом приехала на несколько дней в апреле. И еще отдыхала с нами летом. Почти месяц.

– Тогда выходит, что у нее осталось не так много дней, – быстро подсчитал Дронго, – не больше тридцати-сорока дней с правом нахождения в Шенгенской зоне. И срок истекает к январю будущего года. Все правильно?

– Да, у нее была обычная годовая мультивиза. Только срок истекает в этом году. Тридцать первого декабря. Она должна либо выехать из зоны, либо остаться на нелегальных правах. Но до этого у нее закончится разрешение быть в Шенгенской зоне положенные девяносто дней. Закончится примерно через месяц. Или чуть больше, я не считал.

– И в милицию вы больше не обращались?

– Нет. Мы не считали нужным привлекать посторонних. Они все равно Веру не найдут. Я задействовал службу безопасности нашей компании и нескольких частных детективов. Но результатов пока нет.

– Ясно. – Дронго снова посмотрел на молчавшего Вейдеманиса. Затем взглянул на своего гостя. – Вы хотите, чтобы я нашел вашу родственницу? – уточнил он.

– Это был бы идеальный вариант. Или хотя бы выяснили, куда она сбежала и почему.

– Давайте договоримся. Я начинаю поиски только на условиях абсолютного доверия, – пояснил Дронго, – и поэтому задам вам еще раз вопрос, который я уже задавал. И от искренности вашего ответа будет зависеть мое решение. Согласиться или нет.

– Такая своеобразная проверка, – усмехнулся Каплунович, – давайте ваш вопрос.

– Почему она исчезла? Вы ведь наверняка знаете главную причину, но не хотите мне о ней говорить. Не хотите сказать мне всю правду. Почему?

Каплунович растерялся, нахмурился. Взглянул на Вейдеманиса, потом на Дронго.

– Я пришел к вам за помощью, – раздраженно начал он, – а вы...

– До свидания, – тоном, не терпящим возражений, произнес Дронго, – я же предупредил вас, что мне нужен искренний ответ. А вы не собираетесь посвящать меня во все детали. В таком случае я вынужден вам отказать. Извините...

Он хотел подняться. Каплунович все понял. Он вообще был достаточно сообразительным человеком. Иначе не смог бы стать богатым. Решения он принимал быстро и не колеблясь.

– Подождите, – сказал он, – подождите. Вы, конечно, понимаете, что это только наши подозрения.

Дронго молча кивнул.

– Черт возьми, – вырвалось у Бориса Самуиловича, – я не думал, что вас будет двое. Как Шерлок Холмс и доктор Ватсон...

– Можете считать и так, – согласился Дронго.

– В общем, я считаю, что исчезновение Веры связано с ее бывшей работой в кабинете министров. Они работали вместе с Репниковым. И были достаточно близки к бывшему премьеру. Вы меня понимаете?

Дронго кивнул, но было понятно, что он ждет дальнейших объяснений.

– Черт возьми, – снова сказал Каплунович. Он достал из кармана миниатюрный аппарат «Моторолла», вытащил батарею, разрядил телефон. Затем достал второй аппарат, «Сименс», и также разрядил его.

– Сделайте звук телевизора еще громче, – попросил он.

Дронго прибавил звук.

– Я почти уверен, что ее исчезновение связано с работой в аппарате бывшего премьера, – тихо сообщил Каплунович, – я уже предпринял некоторые шаги и по ряду достаточно веских фактов убедился в том, что Вера каким-то образом связана с этими событиями. А вы прекрасно знаете, какие у нас сейчас времена. Меня могут прослушивать. Я даже не уверен, что нас сейчас не слышат. Если это так, то вы можете не найти Веру никогда, а ее возможный выезд во Францию – всего лишь обычная инсценировка, которую провели спецслужбы, чтобы нас обмануть. Иначе просто невозможно поверить в то, что она не позвонила нам, как только прилетела. Хотя бы для того, чтобы мы смогли ее защитить. Но говорить об этом я не могу, пока не буду точно знать, что с ней случилось. И не могу обращаться ни в ФСБ, ни в милицию. А тем более доверять обычным частным детективам. Мне говорили, что вы достаточно независимый эксперт и к тому же у вас большой опыт подобных расследований.

Каплунович чуть ослабил узел галстука.

– Вы хотели, чтобы я был искренним до конца, – добавил он после некоторого раздумья, – признаюсь вам, что я говорил со многими людьми. Знаете, как они вас характеризовали? Не только как одного из лучших экспертов в своей области, но и как человека порядочного, который не сдает людей, с которыми работает. Многие считают, что вы один из тех редких людей, кто еще может позволить себе иметь какие-то принципы. Может, потому, что вы восточный человек и у вас есть своеобразный кодекс чести. У кавказцев свои представления о мужской порядочности.

– Не поэтому, – возразил Дронго, – мой друг Эдгар латыш, но это не мешает ему придерживаться тех же принципов в жизни.

– Может быть, – согласился Каплунович, – но моя сестра просто раздавлена свалившимся на нас несчастьем. И мы хотим, чтобы вы помогли найти Веру. Или... или хотя бы узнать, что с ней случилось. Это моя единственная просьба. Надеюсь, вы понимаете, что все ваши расходы будут оплачены. И никто не должен знать о цели ваших поисков и о нашем разговоре. Никто. Сейчас наступили плохие времена для очень богатых людей в нашей стране. Каждый из нас в любой момент может оказаться на краю земли в какой-нибудь сибирской колонии. Разорить и отнять можно любую компанию, если, конечно, государство ставит перед собой такие цели. И силы слишком неравны. И ни один человек не может быть абсолютно уверен, что завтра к нему не придут налоговые службы или прокуроры. В нашей стране нет идеальных миллионеров, как никогда не было идеальных законов и идеальных времен. Любой владелец крупной компании не сможет никогда даже пройти чистилище и тем более попасть в рай. Для этого мы совершили слишком много грехов в девяностые годы. Все без исключения. И каждый из нас об этом знает. Самое обидное, что мы знаем это друг о друге и все об этом знают.

– Приятно слышать, – пробормотал Дронго, – значит, такова цена ваших состояний?

– Мы платим своими душами, – ответил Каплунович, – и это почти неизбежно.

– Она знала ваши секреты?

– Возможно, что да. Я привык доверять жене. Она могла быть откровенна со своей сестрой.

– Вы полагаете, что это может быть обходной наезд именно на вашу компанию?

– Я ничего не могу исключать. Но мне кажется, что это связано с ее бывшей работой. Журналиста Оглобина я близко не знал и никогда в жизни с ним не общался, но Репников был достаточно серьезным человеком.

Дронго потер подбородок. Тяжело вздохнул. Вежливый Вейдеманис молчал. Он знал, что в этот момент Дронго принимает решение. Каплунович не выдержал томительной паузы.

– Так вы согласны начать ее поиски? – нервно уточнил он.

Седьмое октября

Они сидели за столом уже четвертый час. Дронго иногда вставал, расхаживая из угла в угол. Вейдеманис делал заметки своим почти каллиграфическим почерком. Они расположились в кухне, здесь было уютно и как-то по-домашнему удобно. Кроме того, оба привычно много пили. Дронго предпочитал исключительно чай, тогда как его напарник – кофе.

– Значит, в квартиру она поднималась после работы, – продолжал Дронго, расхаживая вокруг стола, – оставила машину в гараже и поднималась наверх в кабине лифта. Именно в этот момент ей позвонила подруга. Понятно, что Вера насторожилась. И подошла в таком состоянии к своей двери. Открыла дверь. Или не открыла? Если она обнаружила, что дверь уже открыта? Тогда она бежит вниз и кричит консьержу...

– А почему она побежала вниз, а не поехала в кабине лифта? – поинтересовался Вейдеманис. – Ведь так было бы быстрее? Она жила на одиннадцатом этаже.

– Правильно, – кивнул Дронго, – отсюда мы сделаем два вывода. Во-первых, она не боялась, что возможный убийца сумеет догнать ее на лестнице. Почему? Ведь она женщина? Она приехала после работы, наверное, на ней была обувь, не совсем предназначенная для бега. Но она решила, что так будет удобнее. И быстрее. Она была уверена, что убийца сразу за ней не побежит. Значит, она успела закрыть дверь своим ключом. И сама не вбежала в кабину лифта только потому, что та уже поднималась вверх. Первый убийца должен был вызвать своего напарника. Я вчера побывал в этом доме, там входная дверь запирается на ключ. Если бы входная дверь была открыта, то это могло бы вызвать подозрения у Логутиной. Значит, убийца обязан был войти в квартиру и попросить своего напарника запереть дверь. Она, напуганная звонком подруги, очевидно, что-то почувствовала, успела закрыть дверь, и в этот момент кабина лифта пошла вверх. А она побежала вниз. Поэтому она так спешила и боялась, что убийцы успеют спуститься. И выбежала на улицу, не воспользовавшись своим автомобилем.

– Похоже, что все было так, – согласился Эдгар.

– Тогда убийцы допустили одну небольшую ошибку, – продолжал Дронго, – они сделали все правильно, войдя в дом, минуя телекамеры, установленные в подъезде и в подземном гараже. Но это вызывает самые большие подозрения. Каким образом им удалось миновать камеры?

– Каплунович считает, это мог быть заговор спецслужб, – напомнил Вейдеманис, – в таком случае они могли изъять пленку.

– Не получается, – возразил Дронго, – это самое логичное предположение. Но есть еще один нюанс. Дежуривший в тот день молодой консьерж не увидел никого ни в подъезде, ни в гараже. И он не понимал, о чем его просит Логутина. Значит, убийцы вошли в дом, сумев обмануть телекамеры. Отсюда два неутешительных для нас вывода. Либо им помогали, либо они профессионалы, чтобы суметь проникнуть в дом незаметно. В общем, выводы для нас не особо утешительные.

Вейдеманис молча кивнул, отмечая выводы Дронго.

– Она убегает из дома и сразу исчезает. Значит, понимает, что убийцы действовали достаточно профессионально. И она понимает, с чем связан интерес этих киллеров. Исчезновение журналиста Оглобина и трагическая смерть Репникова. Обрати внимание: она сразу звонит, чтобы узнать их судьбу. Предупреждает коллег на работе, что не придет утром, и даже сообщает, где находится ее отчет. А потом звонит своему другу в Латвию и сообщает, что хочет к нему приехать. Но затем передумала и взяла билет в Париж, причем с пересадкой в Берлине. Мне кажется, она знает, что ей нельзя появляться рядом с близкими людьми. Таких совпадений просто не бывает. Она не возвращается домой, не хочет появляться на службе, не едет к

своему другу, хотя сообщает ему о своем возможном появлении, и, наконец, не звонит сестре, появившись в Париже. По-моему, выстраивается некая цепь закономерностей.

– Если она действительно полетела в Париж, – заметил Эдгар, – не забывай, что вместо нее могла полететь другая женщина и...

– И все звонки могла сделать тоже другая женщина, имитируя голос Логутиной, – согласно кивнул Дронго, – такой вариант мы тоже обязаны предусмотреть. А если это действительно она?

– И как мы будем ее искать? – поинтересовался Вейдеманис. – Телефонный аппарат она выбросила, а сама улетела во Францию. Ты не спрашивал у Каплуновича, где она могла остановиться в Париже?

– Обычно она останавливалась в их загородном доме, – ответил Дронго, – и никогда в отелях.

Он продолжал ходить по кухне.

– А справки по ее кредиткам смотрел? Каплунович мог что-то напутать?

– Он проверил с помощью своих друзей из Министерства финансов. Там все верно, – пояснил Дронго, – я лично просмотрел выписки из банковских отчетов. Представляю, чего стоило Каплуновичу добиться этих данных. Российские банки, да и любые другие банки в мире не очень любят, когда кто-то копается в личных счетах их клиентов без ведома самих клиентов. Она получила деньги в Москве, в разных банкоматах, в течение всего дня. Сняла с двух своих кредитных карточек десять тысяч евро наличными. И купила билет. Но карточки остались у нее. Мы договорились с Каплуновичем, что, как только где-то будут задействованы ее кредитные карточки, он сразу сообщит нам об этом. У нее есть кредитная карточка французского банка и две кредитки российских банков. Но прошло уже две недели, а карточки пока нигде не использовали. Во всяком случае, пока.

– «Кредит ди Норд», – вспомнил Вейдеманис, – они еще не ответили?

– Пока нет. Туда, видимо, Каплуновичу труднее дотянуться. Там свои законы. Хотя вполне возможно, что его родственницы уже нет в живых. Такой вариант тоже не исключен.

– Тогда у нас вообще нет шансов, – положил ручку Эдгар, – если не учитывать еще одного важного фактора. Но только в том случае, если она действительно улетела во Францию.

Дронго взглянул на Вейдеманиса.

– Кажется, мы думаем с тобой вместе об одном и том же, – улыбнулся он, – время ее пребывания в Шенгенской зоне?

– Да, – ответил Вейдеманис, – молодая женщина убегает из дома, не взяв с собой ничего. Ей нужно иметь белье, косметику, одежду. Но она бежит, даже не заехав за личными вещами. И скрывается где-то в Европе с одной сумочкой, в которой, возможно, лежит только ее паспорт.

– Ах, как мне нравятся твои рассуждения. – Дронго сел напротив Вейдеманиса. – Просто молодец. На счету у нее гораздо больше денег. Но она уезжает во Францию и исчезает там, имея только десять тысяч евро. Она берет эти деньги и скрывается... Если она не хотела уезжать, то зачем снимала деньги? И ее паспорт. Убийцы не могли знать, что у нее с собой будет паспорт. И не могли так быстро узнать номера ее кредитных карточек, чтобы обналичивать деньги.

– Не все деньги, – напомнил Эдгар, – чужие сняли бы все.

– Правильно. Значит, она сознательно готовилась к отъезду.

– Выходит, что ты прав, – наконец улыбнулся Эдгар, – фактор времени. Ей нужно выиграть время. Она понимает, что не должна появляться рядом с близкими людьми, чтобы не подставлять их под возможный удар. Но бесконечно такая ситуация продолжаться не может. Вера чего-то ждет. Она уверена, что ситуация должна измениться. Незвестный день «Х». Который наступит в течение одного месяца. Ей нужно выиграть время...

– Тогда мы должны понять, почему она так в этом уверена, – сказал Дронго. – Кажется, я вынужден буду попросить ключи от квартиры Логутиной, чтобы самому все осмотреть. Если

мы правы, то фактор времени работает и против нас. Ведь те, кто искал Логутину, наверняка знают об этом. Обрати внимание, в какие сжатые сроки исчез Оглобин и погиб Репников. Если он, конечно, погиб сам и ему не помогли. Признаюсь, что я начинаю сомневаться в его неожиданном сердечном приступе за рулем автомобиля. Нужно попытаться получить копии актов вскрытия его тела.

– Каким образом?

– Пока не знаю. Ясно, что Каплунович нам помогать не будет.

– И не захочет, – согласился Эдгар, – он беспокоится, что это провокация спецслужб против его компании. И каким-то образом все связано с бывшим премьером.

– Нужно понять, что именно связывало журналиста Оглобина, ее бывшего шефа Репникова и саму Логутину. – Дронго нахмурился. – Кажется, мне придется лично просмотреть все материалы этого исчезнувшего журналиста. Его статьи за последние полгода. Нужно все продумать. Если мы правы, то времени у нас нет. И я очень хочу знать, какой день «Х» она ждет. Я сейчас позвоню Борису Самуиловичу, и мы с тобой поедem еще раз домой к Логутиной. Осмотрим ее квартиру, может, найдем какую-нибудь зацепку. И позвони Леониду Кружкову. Пусть подумает, как можно просмотреть материалы вскрытия тела Репникова. И вообще узнает, какая прокуратура ведет расследование его смерти.

Эдгар протянул руку к телефону.

Еще примерно через час они подъехали к дому, где жила Вера Логутина. У подъезда их уже ждал помощник Каплуновича. Ему было лет тридцать пять. Высокого роста, широкоплечий, коротко стриженный, имевший характерное запоминающееся лицо с широкими скулами и раскосыми глазами, он был похож скорее на грозного вышибалу, чем на помощника президента крупной компании. Бывший спортсмен, мастер спорта по борьбе, Аслан Ганеев совмещал обязанности помощника, водителя, телохранителя и просто доверенного лица Бориса Самуиловича. Дронго невольно отметил, что они были почти одного роста с Ганеевым.

– Добрый день, – пожал ему руку помощник Каплуновича, – я принес ключи и предупредил дежурного, что вы приедете.

– Спасибо. – Дронго прошел первым. За ним Вейдеманис, и замыкал шествие Ганеев. Они вошли в просторный холл. Пожилой дежурный молча кивнул им, не задавая лишних вопросов. В кабине лифта Ганеев неожиданно обратился к Дронго:

– Борис Самуилович попросил вас, чтобы вы не говорили в присутствии его жены, что два раза были в квартире ее сестры.

– Не скажу, – пообещал Дронго, – а почему такая странная просьба?

– Он не хочет, чтобы его супруга об этом узнала, – пояснил Ганеев, – ей может быть неприятно, что вы копались в личных вещах ее сестры. Он дал ей слово, что сам будет осматривать квартиру. Вы понимаете?

– Да, – согласился Дронго.

На одиннадцатом этаже кабина лифта остановилась, и они вышли на лестничную площадку. Ганеев открыл дверь. Эдгар обратил внимание на нее. Массивная железная дверь, которую невозможно выломать. И внешний замок, запирающий дверь снаружи. Они вошли в просторный холл. Слева и прямо находились комнаты. В большую кухню-столовую вел коридор по правую сторону от входной двери. Дронго подумал, что нужно снять обувь. Пока он раздумывал, как поступить, Аслан Ганеев уже снял обувь и строго посмотрел на пришедших с ним гостей, словно ожидая, что они последуют его примеру. Дронго улыбнулся и первым начал развязывать шнурки. Его примеру последовал Вейдеманис.

– Придется ходить в носках, – сказал Эдгар, – тапочки сорок четвертого размера я себе еще, может быть, найду, а на тебя обуви в этом доме явно не будет.

– Какой у вас размер? – спросил Ганеев, взглянув на ноги Дронго.

– Сорок шесть с половиной, – чуть виновато ответил тот.

– У меня сорок пятый, – ответил Ганеев, – все равно всем придется ходить в носках.

Они прошли в спальную комнату. Здесь кроме большого зеркала и четырехстворчатого итальянского шкафа находились небольшое трюмо, столик с ноутбуком, кресло на колесиках, полутораспальная кровать, тумбочка. Дронго заметил взгляд Вейдеманиса. Его друг обратил внимание на эту кровать. Спать одной на ней было весьма комфортно, двоим уже достаточно тесно. Очевидно, Вера не любила, когда незваные гости оставались в ее спальне. Или таких гостей не было, после того как она переехала в эту квартиру?

– Проверь, какие записи там были, – попросил Дронго своего напарника, показывая на ноутбук. Он подошел к столику и посмотрел на провода, подключенные к аппарату. Ну конечно. Стоявший в спальне ноутбук был подключен к Интернету. Наверняка в аппарате сохранилась вся переписка хозяйки квартиры. Сам он чувствовал себя достаточно неловко. Одно дело бегло осмотреть квартиру в присутствии Каплуновича, и совсем другое – рыться в личных вещах молодой женщины под строгим взглядом Аслана Ганеева. Дронго вздохнул и открыл шкаф. Белье и постельные принадлежности лежали в идеальном порядке. Он протянул руку. На первой полке находились выглаженные полотенца и платки. Он присел на корточки. Здесь были еще четыре выдвижных ящика под дверцами от шкафов. Дронго выдвинул первый ящик. Здесь лежало нижнее белье. Он нахмурился. Взглянул на Ганеева. Было такое ощущение, что он не просто роется в чужом личном белье, а раздевает неизвестную ему женщину в присутствии посторонних.

– Идиотизм, – сквозь зубы прошипел Дронго, – нужно было пригласить сюда супругу Каплуновича, чтобы она сама осматривала трусики своей сестры. Господи, как стыдно и глупо.

Он неожиданно поднялся.

– Мне нужно помыть руки, – пояснил он удивленному Ганееву, – нельзя рыться в личном белье грязными руками.

Он прошел в ванную комнату, долго и тщательно мыл руки, словно оттягивая момент, когда вернется в спальню. Ганеев прошел за ним в ванную и смотрел, как он моет руки. Все шампуни, мыло и баночки из-под кремов были аккуратно выстроены на полке. Два полотенца. Свежий банный халат белого цвета. Словно хозяйка сейчас вернется. Забавная мочалка в виде лягушки. Ночной крем для кожи. Кажется, Логутина уже думает о своей коже. В ее возрасте достаточно рано? Или как раз вовремя? Он не знал ответа на этот вопрос.

Вернувшись в спальню, он снова чертыхнулся и решительно присел на корточки. Итак, первый ящик. Здесь лежат ее трусики. В основном белые и черные, но встречаются и других цветов. Две пары почти прозрачных бикини. Интересно, в каких случаях она их надевает? Одна пара теплых, почти мужских трусов. Он быстро засунул их обратно, чтобы не показывать Ганееву. Открыл второй ящик. Здесь лежали бюстгалтеры. Логутина явно любит дорогое белье. И у нее не очень большая грудь. Второй или третий размер. Некоторые бюстгалтеры явно увеличивают грудь. Наверно, она их часто надевала.

Третий ящик. Здесь лежали комбинации, несколько пакетов прокладок, запечатанные пакеты колготок. Он почувствовал, как краснеет. Но почему он должен ковыряться в таких деталях под взглядом ничего не понимающего Ганеева? Рука нащупала какой-то предмет. Дронго нахмурился. Он не стал доставать этот предмет, а попытался его ощупать. Кажется, вибромассажер. Для молодой женщины, у которой давно нет мужчин, это, наверное, нормально. Или не совсем нормально, учитывая ее относительно молодой возраст. Он чуть подвинул к себе этот предмет, разглядывая его под шелковой комбинацией. Так и есть. Все нормально. У каждой молодой женщины после тридцати могут быть собственные секреты. Он задвинул прибор обратно и приступил к осмотру четвертого ящика.

Здесь находились какие-то кошельки, сумочки, различные свертки. Это его сразу заинтересовало. Он начал доставать кошельки и сумочки, внимательно исследуя их содержимое. В одной лежало несколько стодолларовых купюр. В другой было около восьмидесяти английских

фунтов. Записки. Записная книжка. Она его заинтересовала. Он начал листать книжку, затем показал ее Ганееву. Небольшая книжка, заполненная фамилиями и номерами телефонов. Судя по всему, у Логутиной был почти идеальный почерк. Ровный и красивый.

– Мне придется ее забрать, – пояснил Дронго, – здесь много телефонов, а я должен все проверить.

– У меня нет таких указаний, – возразил Ганеев, – я должен позвонить и спросить разрешения.

– Звоните, – согласился Дронго.

В шкафах висели платья. Он обратил внимание, что у хозяйки было много брючных костюмов. Судя по размерам, она была почти спортивного телосложения. Он обернулся и посмотрел на трюмо. Там находилась большая фотография двух сестер. Старшая смотрела строго и внимательно, как и должна смотреть мать троих детей, а у Веры был более бесшабашный и веселый взгляд. Обе были в одинаковых шелковых платьях, отличавшихся только цветом. На платье Киры преобладали цвета красных тонов, тогда как у Веры – синих.

«Красивая женщина, – меланхолично подумал Дронго, глядя на Веру, – почему она не вышла замуж? У ее старшей сестры уже трое детей».

На второй фотографии была снята Вера и трое детей ее старшей сестры. Было заметно, как трогательно относятся дети к своей тетке, обняв ее со всех сторон. А старший сын Киры был ростом с Веру.

Дронго продолжал исследовать содержимое ее шкафа. Кажется, есть такая американская или английская телепередача, вспомнил он. Когда молодого человека привозят домой к трем студенткам по очереди. И он должен, осмотрев их личные вещи, выбрать себе спутницу жизни. Мужчинам в телепередачах это удавалось, они обычно выбирали тех, кто им нравился. У него задача сложнее. Ему нужно составить психологический портрет исчезнувшей женщины, которую он обязан найти как можно быстрее.

«Интересно, как бы отреагировала Джил, если бы узнала, чем именно я занимаюсь, – вдруг подумал Дронго, – в ее представлении частные детективы – это типы, похожие на Ниро Вулфа, которые сидят в своей оранжерее и разгадывают очередное преступление. Или в лучшем случае ведут себя как Шерлок Холмс, переодеваясь в старика и прибегая к помощи дедуктивного метода для поисков очередного преступника. А я копаюсь в чужом белье. Хотя, с другой стороны, я делаю это для самой хозяйки квартиры, – вспомнил он. – Значит, не все так плохо. В конце концов, мои поиски должны помочь найти эту женщину. Или хотя бы узнать, что именно с ней случилось».

Он продолжал проверять содержимое шкафа. На одной из полочек лежали ее драгоценности. В небольшой шкатулке. Здесь были две пары сережек, несколько колец, один кулон от «Шопард», очевидно, подарок. Интересно, почему убийцы не тронули эти ценности? В таком случае они либо профессионалы, либо сотрудники спецслужб. В обоих случаях это грозит очень крупными неприятностями хозяйке квартиры. Когда не трогают такие ценности, это дурной знак. Значит, им заплатили так хорошо, что цена убийства уже включена в прейскурант услуг. И у жертвы нет никаких шансов спастись.

– Я понимаю, – сказал Ганеев. Он наконец убрал свой сотовый телефон. – Борис Самуилович разрешает вам забрать эту книжку, но с условием ее последующего возврата, – пояснил Аслан, – и в этом случае вы тоже должны хранить полную тайну.

– Я умею хранить тайны, – недовольно заметил Дронго. Он проверял полки, обращая внимание на записки или документы. Под бельем лежал небольшой пакет. Он достал его. Там были какие-то записи. Везде по четыре цифры. Ну конечно. Это шифры ее кредитных карточек. Только женщина может сделать такую глупость. Написать все это на бумаге и оставить в шкафу. Здесь же лежали ее метрика и дипломы о среднем и высшем образовании. Судя по всему, училась она везде на «отлично», в том числе и в двух институтах, которые успела

окончить. Рядом лежала продолговатая коробочка красного цвета. Он осторожно достал ее, открыл. И увидел часы. Осторожно вытащил их. Тоже «Шопард»? Нет, это другая модель. Часы от Делано. Такие часы делаются в количестве полутора тысяч экземпляров. Обычная для часов этой марки полуцилиндрическая форма коробки, которая сама по себе большая ценность. Такие часы в форме бабочки, инкрустированной бриллиантами, стоят более сорока тысяч долларов. Гораздо больше. Интересно, кто мог сделать ей такой подарок? Очень интересно. Нужно будет узнать об этом у Бориса Самуиловича. И самое интересное, что часы тоже не взяли. Это уже совсем плохо. Значит, она была приговорена людьми, для которых цена не имела значения. И любые деньги тоже не имели никакого значения. Он осторожно захлопнул коробочку и положил часы на место.

– Позвоните еще раз Борису Самуиловичу, – попросил Дронго.

Аслан Ганеев согласно кивнул и достал аппарат. Набрал номер и передал телефон Дронго.

– Извините, что беспокою вас так поздно, – сказал Дронго, услышав знакомый голос, – вы знали всех ухажеров Веры Логутиной?

– Возможно, что не всех, – осторожно ответил Каплунович, – а почему вы спрашиваете?

– Я нашел часы от Делано, – пояснил Дронго, – в фирменной упаковке. Очевидно, подарок. Вы не знаете, кто мог сделать ей такой подарок?

– Только не я, – рассмеялся Борис Самуилович, – я, конечно, хорошо к ней относился, но такие подарки я могу сделать только жене. Сколько стоят такие часы? Тысяч тридцать?

– Я думаю, около пятидесяти. Во всяком случае, более сорока.

– Нет, нет. Никто не мог сделать Вере такой роскошный подарок. Никто из ее окружения.

– А ее бывший ухажер?

– Саша Линдт? Никогда в жизни. Во-первых, он достаточно расчетливый и аккуратный человек. А во-вторых, у него просто не было таких шальных денег. Он, конечно, богатый человек, я думаю, даже миллионер, но часы за пятьдесят тысяч он бы не стал дарить никогда в жизни. Ездил по Москве на подержанном «БМВ» десятилетней давности. Нет, он не любил подобной роскоши. У прибалтов свои понятия о подарках. Цветы, парфюм, небольшое колечко, ничего лишнего. Такой купеческий размах – свойство восточных мужчин или наших нуворишей. Надеюсь, я вас не обидел?

– Нет. Я начинаю думать, что вы крупный специалист именно по восточным мужчинам.

– Смешно, – согласился Каплунович. Но голос у него был достаточно серьезный. – Где лежат эти часы? Я их не находил.

– Вы тоже смотрели в шкафу?

– Конечно. Я сначала все сам осмотрел, а потом уже вас пустил. Или вы думали, что могло быть иначе?

– Нет. Они лежат в шкафу, за бельем. Вы просто невнимательно смотрели.

– Возможно. Спасибо, что предупредили. Приеду и заберу эти часы. Такую роскошь нужно хранить в сейфе или в другом месте. Если еще вам понадобится, звоните в любое время.

– Надеюсь, про часы я могу спросить у вашей жены?

– Я сам у нее узнаю. Вы знаете, о чем я подумал? Будет лучше, если вы отдадите эти часики Аслану. Пусть он мне их привезет, когда вы закончите. Я думаю, так будет правильно...

– До свидания, – разозлился Дронго. У него было такое ощущение, словно он ограбил несчастную хозяйку, конфисковав для ее родственника эти часы.

Он сунул коробку в руки Аслану Ганееву и прошел к кровати, чтобы осмотреть тумбочку, в которой могли быть интересующие его документы. Но в тумбочке хранились только ее кремы, различные тюбики, какие-то лекарства, по большей части от головной боли. Была и коробка противозачаточных пилюль. Дронго поднялся, прошел к трюмо. Похоже, что в спальном ком- нате Вера ничего особенного не хранит. И наверняка они ничего не найдут в столовой. Если в

доме осталось нечто серьезное, она бы обязательно вернулась за этими документами. Он все-таки прошел во вторую комнату, чтобы добросовестно осмотреть и ее.

Ганеев привычно прошел следом за ним. Когда через двадцать минут они вернулись в спальню, Эдгар уже выключал ноутбук.

– Ничего нет, – устало ответил Вейдеманис, – обычные записи, разного рода информация. Чтобы просмотреть все сайты, нужно знать пароль, а у меня его нет. Здесь нужен более опытный компьютерщик, чтобы взломать ее защиту и прочесть переписку. У меня так просто не получится. Нужно забрать жесткий диск и попытаться прочесть всю информацию дома с помощью более опытного специалиста.

– Я не умею доставать жесткий диск, – признался Дронго, – и боюсь, что ты тоже не лучший специалист. Кроме того, мы можем его повредить, доставая из ноутбука. Будет лучше, если мы просто заберем с собой этот аппарат. Господин Ганеев, может, вы еще раз позвоните вашему патрону?

– Вы хотите унести с собой все имущество? – разозлился Ганеев. – Может, мне позвонить ему, чтобы получить разрешение на вывоз мебели?

– Ценю ваше чувство юмора, – заметил Дронго, – для бывшего борца совсем неплохо.

– Откуда вы узнали, что я раньше занимался борьбой? – удивленно спросил Аслан.

– Характерные уши. Ваши руки, перебитый нос. Я даже полагаю, что у вас были успехи на международной арене.

– Только на всесоюзной, – возразил Ганеев, – в девяностом я выиграл чемпионат СССР по классической борьбе. А потом все изменилось, хотя через два года я выиграл в Минске турнир стран СНГ, но вскоре пришлось уйти из спорта из-за травмы.

– СНГ – это уже международный чемпионат, – польстил своему собеседнику Дронго, – звоните Борису Самуиловичу, я сам с ним поговорю.

– Здорово вы меня уговорили, – понял уловку Дронго Ганеев и, улыбнувшись, достал аппарат. Набрал номер. Посмотрел на Дронго. – Он все равно увидит, с какого телефона звонили, – пояснил Аслан и, услышав голос своего шефа, извинился и объяснил, что Дронго хочет поговорить с ним еще раз.

– Простите, что снова беспокою вас, – сказал Дронго, – но мне нужно получить разрешение на ноутбук. Он нам нужен. Дело в том, что информация в нем зашифрована, а взломать защиту сможет только опытный специалист.

– Можете не брать этот ноутбук, – усмехнулся Каплунович, – возможно, мы не такие опытные сыщики, как вы с вашим напарником. Но первое, что мы сделали, это проверили ее ноутбук. И ее компьютеры на работе. Изъяли всю переписку, просмотрели всю ее почту, все сообщения, которые она получала и которые ей присылали. Почти ничего нет. А то, что есть, – лишь свидетельство нашей главной версии.

– Я не сомневаюсь, что вы все просмотрели, – ответил Дронго, – но мне нужно проверить самому и во всем убедиться. Возможно, были детали, на которые ваши люди не обратили внимания.

– Там были очень опытные специалисты, – холодно заметил Борис Самуилович.

– Но вы сами сказали, что не такие опытные, как мы с мистером Вейдеманисом. Или будет лучше, если я буду называть его мистером Ватсоном?

– Вы издеваетесь? – поинтересовался Каплунович.

– Если вы начнете мне мешать уже на этом этапе, я не смогу найти вашу родственницу. Вы действительно хотите, чтобы я ее нашел?

Молчание длилось несколько секунд.

– Теперь я понимаю, что в обязательный набор хорошего сыщика составной частью входит упрямство, – пробормотал Борис Самуилович, – делайте что хотите. Читайте сами все ее

письма, если вы не доверяете даже мне. Можете проверять. Скажите Аслану, что я разрешил вам взять ноутбук. Больше ничего?

– Последний вопрос. Почему ваши специалисты так плохо работали, если не нашли коробку с часами? Такого не могло быть, если они были в доме...

– Кто вам сказал, что им разрешили обыскивать квартиру? – перебил его Каплунович. – Я только сообщил, что они проверяли ее ноутбук. А квартиру осматривал я сам. Извините, если что-то упустил, у меня нет таких навыков. Еще не приучен. – Он раздражался все больше и больше.

– Если ваши люди вскрывали защиту ноутбука, значит, они знают пароль, – вспомнил Дронго.

– Я его не помню, – разозлился еще больше Борис Самуилович, – утром позвоните к нам в офис, и я найду вам нашего оператора по компьютерам.

– До свидания. – Дронго решил, что нужно заканчивать разговор. Он передал аппарат Ганееву и кивнул Эдгару: – Отключай ноутбук и забирай с собой. Борис Самуилович разрешил нам взять его.

– Благодетель, – прошипел Вейдеманис, слышавший их разговор.

Ганеев сделал вид, что не расслышал последней реплики гостя.

Восьмое октября

Он приехал в офис своей компании и привычно прошел в роскошный кабинет невероятных размеров. Подошел к окну, ему нравился вид, открывавшийся отсюда. В своем кабинете он чувствовал себя завоевателем этого города. Города, в который он приехал много лет назад, не имея в кармане и десяти рублей. Он помнил все. И свое тяжелое детство. И не менее тяжелую юность, когда приходилось идти на любые уловки, чтобы заработать немного денег. Тогда он еще учился в институте и жил в общежитии. Это было так давно. Теперь он миллиардер и владелец одной из самых крупных компаний в стране.

Олег Степанович Быстрянский смотрел в окно и чувствовал себя победителем. Ему было сорок девять лет. И вся его предыдущая бурная жизнь была словно затянувшейся прелюдией к этому моменту, когда он наконец стал не просто владельцем крупнейшей российской компании, но и человеком, в немалой степени считавшимся одним из символов своего времени.

Он стоял у окна несколько минут, когда зазвонил телефон. Быстрянский обернулся. Номер этого телефона знали только несколько человек, самых близких друзей. Очень близких, которые могли найти его и днем и ночью. Телефон был включен двадцать четыре часа в сутки. Он подошел к аппарату, лежавшему на столике, и поднял трубку.

– Здравствуй, – услышал он знакомый голос и невольно поморщился. Позвонивший был единственным человеком в мире, который внушал ему некоторый страх.

– Доброе утро. – Быстрянский старался говорить как можно более беззаботным голосом. – Что-нибудь случилось?

– Я думал, что ты знаешь. Эту женщину так и не смогли найти...

– Ну и прекрасно. Может, она сбежала и где-нибудь спряталась?

– Она так и сделала. И теперь Каплунович нанял для ее розысков нового эксперта.

– Ну и что? Пусть ищут. Мы ведь считали, что это Каплунович помог ей скрыться. А раз он ее ищет, значит, все в порядке.

– Ты не понимаешь, что происходит. Он нашел самого лучшего специалиста. И вчера ночью они уже обыскали квартиру исчезнувшей родственницы Бориса Самуиловича.

– Я действительно не понимаю, почему это должно меня волновать, – вздохнул Быстрянский и провел рукой по пышным волосам. У него были прекрасные густые волосы, чуть тронутые сединкой, что придавало ему больше солидности и так нравилось женщинам. Ему было приятно сознавать, что он нравится женщинам. Хотя иногда казалось, что представительницам прекрасного пола больше нравится не его роскошная шевелюра, а содержимое его кошелька. Но он старался меньше думать о таких пустяках. Говоривший сразу вернул его к теме неприятного разговора:

– Если они ее найдут, у тебя будет масса неприятностей. Или ты все забыл?

Олег Степанович поморщился. С ним давно никто так не разговаривал. Но позвонивший имел право на подобный тон. Даже с очень богатыми людьми. Он вообще на многое имел право. Он был Чиновником, который имел право так разговаривать с любым олигархом.

– Что я должен делать? – спросил Быстрянский.

– Нужно будет организовать группу людей, чтобы следили за этим экспертом. За каждым его шагом. Повторяю, он очень опасный человек, и мы не можем пускать дело на самотек.

– Я могу найти нужных людей.

– Нет. Никого не нужно искать. Я задействую группу профессионалов. Кто попало не справится. Просто не тот случай. Тебе нужно будет оплатить их расходы. Так будет надежнее.

– Обязательно, – сразу согласился Олег Степанович. Автоматически он отметил, что «группа профессионалов» может влететь ему в очень крупную сумму, но с позвонившим

лучше не уточнять размеры гонораров. В конце концов, иногда нужно платить за услуги таких людей. Он осторожно вздохнул и на всякий случай уточнил: – А он сможет ее найти?

– Все возможно. Поэтому мы должны быть рядом.

– Не лучше ли устранить эту проблему прямо сейчас? – Быстрянский привык решать свои дела кардинально, сразу избавляясь ото всех проблем.

– Нет, не лучше. Если у него получится, то мы примем свои меры. И вообще, давай заканчивать с этими криминальными разборками. Это не тот уровень. И времена сейчас другие. Пусть ищет исчезнувшую женщину на деньги Каплуновича. Это даже забавно.

– Как зовут этого специалиста?

– У него такое странное имя – Дронго.

– Дронго? – повторил Быстрянский. – Что это такое, имя или кличка?

– Кличка. Ему нравится, когда его так называют. По имени какой-то неизвестной птицы. Или известной, черт его разберет. Только он человек, который может доставить нам всем кучу неприятностей. И поэтому здесь понадобятся лучшие люди. Мои люди, Быстрянский. Которые смогут его нейтрализовать.

Восьмое октября

Найти толкового специалиста, чтобы взломать защиту ноутбука Логутиной, оказалось несложно. Опытные специалисты могли вскрывать куда более действенные защиты, чем находить пароль к обычному ноутбуку. Уже через двадцать минут защита была вскрыта, и не понадобилось даже звонить в офис Каплуновича, чтобы узнать пароль.

Все посланные письма были пронумерованы. Все полученные также были пронумерованы. Дронго и Вейдеманис внимательно читали все письма. Обычная переписка деловой женщины по электронной почте. Никаких глупостей, никаких сентиментальных посланий, никаких предложений о романтических встречах. Только деловая переписка. И еще несколько сообщений от сестры, два послания от племянника из Лондона, одно из Риги. Вера отвечала конкретно, четко, несколькими предложениями.

– Вы сможете проверить, какие письма она стерла, если такие были? – попросил Дронго.

– Всегда можно проверить ее «мусорный ящик», – согласился молодой оператор, сидевший перед ноутбуком.

Еще через несколько минут он показал им на дисплее ноутбука выброшенные за последнее полгода письма. Их было достаточно много. Все рекламные предложения, приходившие к ней на почту, она автоматически отправляла в «мусорный ящик», даже не читая послания, чтобы не внести возможный вирус в свой компьютер.

Но среди выброшенных писем были два, которые заинтересовали Дронго. Первое было от журналиста Оглобина с предложением встречи. А второе от неизвестного Кости, который сообщал, что вся работа уже сделана, и благодарил Логутину. Отправленные письма можно было не только прочесть, на них был и адрес отправителя.

Из списка отправленных сообщений были исключены три послания. В первом Вера жаловалась Кире, что у нее много работы и особенно ей тяжело готовить сразу два крупных отчета. Во втором письме, отправленном неизвестному Косте, она указывала, что вся работа уже готова и она может ее передать. В третьем благодарила Оглобина за статью и назначала встречу в кафе.

– Что-нибудь еще нужно? – поинтересовался оператор.

– Нужно, – кивнул Дронго, – у меня к вам немного необычная просьба. Мне нужно знать, когда были стерты эти послания.

– Я вас не понял? – Молодой человек смотрел на Дронго, ожидая пояснений. Даже Эдгар несколько озадаченно взглянул на своего друга.

– Мне важно знать не конкретное время, а когда были выброшены эти послания, – пояснил Дронго, – до двадцать третьего сентября или после. Если до, то эти сообщения выбросила сама Логутина, а если после – уже другие люди, успевшие покопаться в ноутбуке.

Вейдеманис понимающе кивнул. Если это сделала сама Вера, то все было правильно, но если послания стерли операторы Каплуновича, успевшие покопаться в ноутбуке, тогда двусмысленность их положения становилась слишком очевидной. Они оба напряженно ждали, пока оператор проверял стертые послания.

– Все сообщения были стерты еще до двадцать третьего сентября, – сообщил тот.

– Спасибо, – удовлетворенно кивнул Дронго.

Через полчаса он позвонил Каплуновичу.

– Мы обошлись своими силами, – с удовольствием сообщил Дронго, – почему вы не сказали, что среди отправленных писем было три стертых? И еще два среди полученных?

– Вы профессионал, и вам лучше самому разбираться в подобных программах, – ответил Каплунович, – я вам сразу сказал, что у нас есть ряд фактов, позволяющих связать исчезновение Оглобина и гибель Репникова с пропажей Веры. И не советовал брать этот ноутбук.

Но вы хотели доказать мне, как умеете работать. Будем считать, что вы меня убедили. И я очень надеюсь: вы проверили и точно установили, что все письма были стерты еще до того, как исчезла Вера. А изъятые письма – всего лишь подтверждение моей версии. Мне было важно, чтобы вы сами пришли к нужному выводу.

– Надеюсь, что больше психологических экспериментов не будет, – зло отозвался Дронго, – с Оглобиным все ясно. Она встречалась с ним, когда он готовил свое расследование. Я читал две статьи и теперь знаю, кто был его источником. А кто такой Костя? Вы уже вышли на него?

– Можете себя не утруждать, – мрачно ответил Борис Самуилович, – с Костей тоже все ясно. Это Репников, он использовал для связи электронную почту своего сына Кости. Мы все проверили. Именно поэтому я так уверен, что с Денисом Викторовичем произошла не обычная авария. Я думаю, что даже если нас сейчас слушают, то и они все об этом знают.

– Почему вы сразу об этом не сказали?

– Зачем? Это ничего не изменит, а вы только потеряли один день на эти поиски. И без того ясно, что статьи Оглобина, авария Репникова и исчезновение Веры связаны друг с другом. Я, собственно, поэтому и не советовал вам начинать с ее ноутбука. Там не было ничего неожиданного для нас.

– Какую работу она закончила для Репникова?

– Он погиб еще до того, как она исчезла, а его жена ничего не знает. Мы с ней встречались и разговаривали. Абсолютно ничего. Это тупиковый путь, господин Дронго, вы можете с ней даже не встречаться. Несчастливая женщина, убитая горем. Она ничего не знала о делах своего супруга.

– Ясно. Мне придется довольно часто вас беспокоить. Может, вы дадите мне номер телефона, по которому я смогу вас быстро находить?

– Да, конечно. Я вам сейчас перезвоню с другого телефона на ваш сотовый. И номер моего телефона вы сможете увидеть. Разговаривать мы не будем. Договорились? И звоните мне лучше по вечерам, когда я более свободен.

– Как получится, – не согласился Дронго.

Он положил свой аппарат на стол и дождался звонка. Затем взглянул на телефон, запоминая номер позвонившего. И стер запись из памяти аппарата.

– Похоже, что Репникова и Оглобина все-таки убили, – задумчиво произнес Дронго, – а наша подопечная успела сбежать. Или кто-то устроил неплохую инсценировку.

– Что думаешь делать? – поинтересовался Эдгар.

– Нужно ее найти, – твердо решил Дронго, – мне придется лететь во Францию, а тебе помогать мне здесь. Надеюсь, что мы найдем ее раньше, чем это сделают люди, которым так не нравились статьи журналиста Оглобина.

Девятое октября

Кружков позвонил рано утром и сообщил, что сумел найти следователя прокуратуры, занимавшегося расследованием смерти Репникова. Ничего нового тот ему не сообщил. Следователь был убежден, что это была обычная авария. Очевидно, Репников не сумел удержать руль на повороте и свалился с моста. Его родные и водитель показали, что он лишь недавно сел за руль и водил еще недостаточно уверенно. Кроме того, вскрытие подтвердило, что Репников был абсолютно здоров и трезв, но у него случился внезапный сердечный приступ, из-за которого он, возможно, не сумел удержать машину на мосту.

Дронго выслушал своего помощника, не задав ему ни одного вопроса. И, коротко поблагодарив, положил трубку. После чего долго сидел задумавшись. Поверить во внезапный сердечный приступ он не мог. Считать, что в прокуратуре работают только дилетанты, глупо. Значит, все было подстроено именно таким образом, чтобы выдать смерть Репникова за несчастный случай. Очевидно, они смогли найти способ подмешать ему в пищу или в воду лекарство, способное вызвать сокращение сердечной мышцы. А затем и устроили аварию.

Судя по всему, это будут лишь его умозаключения, основанные на косвенных фактах. Ничего конкретного он все равно не найдет. И разговаривая с супругой Репникова, только вызовет подозрения у людей, которые стоят за этой аварией. Они наверняка ищут пропавшую Логутину, если только они сами ее не похитили. Он вдруг подумал, что это легко проверить. И, сразу подняв трубку, позвонил Эдгару и попросил его приехать.

Вейдеманис приехал через полтора часа, городские пробки становились просто невыносимыми. Дронго уже обдумал сегодняшней план и, как только Эдгар вошел в квартиру, потащил его в гостиную, едва тот успел снять плащ.

– Если за гибелью Репникова стоят какие-то неизвестные нам люди, то они должны были спланировать и исчезновение Логутиной, – возбужденно начал Дронго, – и только в том случае, если ей действительно удалось сбежать...

– Ты в этом еще сомневаешься?

– Пока у меня есть все основания. Молодая женщина убегает из дома, даже не взяв с собой зубную щетку. Не говоря уже о смене белья. Это наводит меня на грустные мысли. Либо она профессионал, чего не может быть, мы знаем ее биографию. Либо она испугалась до такой степени, что невольно повела себя исключительно правильно. Так иногда бывает. Один случай на сто...

– Предположим. Какой у тебя план?

– В таком случае ее продолжают искать. И эти люди должны знать, что она родственница Каплуновича. А это автоматически означает, что они обязаны узнать о его встрече с нами и о наших поисках.

– Возможно. Ну и что?

– Если мы поедем на встречу с вдовой Репникова, они обязаны за нами следить. И попытаются выяснить, о чем мы будем с ней говорить. По моему разумению, следить они будут обязательно.

– Интересно, – улыбнулся Эдгар, – ты хочешь проверить, как они себя поведут?

– И степень их заинтересованности. Но прежде нам нужно заехать в компанию Каплуновича. Во-первых, встретиться с самим Борисом Самуиловичем, и, во-вторых, еще больше разогреть их интерес. Ведь следить они должны и за ним тоже. Или за ним в первую очередь, так даже точнее.

Вейдеманис согласно кивнул. Он вообще не любил много говорить, предпочитая слушать своего друга. Дронго позвонил Каплуновичу и назначил встречу в его офисе. Он вызвал водителя, чтобы не садиться за руль. Он вообще не любил ездить за рулем автомобиля. Водитель

был профессионал. Но на московских улицах устраивать гонки, чтобы оторваться от возможного преследования, практически невозможно. Да и заметить такую слежку тоже очень сложно. В центре города машины едут с минимальной скоростью, выстраиваясь в ряд друг за другом настолько плотно, что между ними едва проскальзывают пешеходы. И надеяться оторваться от возможных наблюдателей в такой обстановке почти невозможно.

Через полчаса, когда они появились в приемной, Бориса Самуиловича еще не было. Любезная секретарша предложила им кофе. Они отказались, ожидая руководителя компании.

Дронго и его напарник расположились на диване в ожидании Каплуновича. В офисах новых компаний поражал размах архитектурной и дизайнерской мысли. Просторные помещения, дорогие панели, тяжелая итальянская мебель. Капитализм в России переживал стадию первоначального накопления, когда внешний лоск и солидность компании подтверждались монументальностью возводимых зданий, безупречными секретарями и помощниками, словно сошедшими со страниц глянцевого журналов, и дорогой мебелью из натуральных сортов дерева. Спустя десять, двадцать, тридцать лет руководители компании начнут понимать, что для офиса необходимы более функциональные помещения, мебель должна быть максимально приспособленной для работы, телефоны и аппаратура не такими роскошными, а безупречные формы секретарей не гарантия их хорошей работы и лучше принимать на службу сотрудниц по их деловым качествам. Но это будет спустя несколько лет. А пока внешние атрибуты были исключительно важны. Справедливости ради стоит сказать, что самые крупные нефтяные и газовые компании, уже пережившие первоначальную стадию, плавно переходили во вторую, в которой не было секретарш с формами топ-моделей, кабинетов, напоминавших футбольные поля, с подлинными картинами художников, стоившими не одну сотню тысяч долларов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.